

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Basic Education, New Bulgarian University
State University named after Shakarim Semey City
Penza State Technological University

SOCIO-ECONOMIC, SOCIOPOLITICAL AND SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF REGIONS

Materials of the VIII international scientific conference
on October 25–26, 2020

Prague
2020

Socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions: materials of the VIII international scientific conference on October 25–26, 2020. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – 44 p. – ISBN 978-80-7526-487-9

ORGANISING COMMITTEE:

Nicholay Arabadzhyski, doctor of economics, professor, dean of the Faculty of Basic Education of the New Bulgarian University.

Alexey P. Konovalov, candidate of historical sciences, professor in the department of history, State University named after Shakarim (Semey), chairman of «Independent sociological center of Semey», Honored Science Worker of the Republic of Kazakhstan.

Lyudmila I. Naydenova, Doctor of Sociological Sciences, professor.

Natalia V. Osipova, candidate of sociological sciences, assistant professor of Penza State Technological University.

Iona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines socio-economic, sociopolitical and sociocultural development of regions. Some articles deal with sociology of modern village. A number of articles are covered problems of state management of development in regions. Some articles are devoted to social capital of regional development. Authors are also interested in civil society and special aspects of political process in regions.

UDC 36:34:32

ISBN 978-80-7526-487-9

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2020.

© Group of authors, 2020.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF MODERN REGIONAL RESEARCHES

- Konograi A. S.**
The Gaeltacht areas as source of the Irish language revival.....5
- Абдуллаева М. З.**
Кибермакондаги тахдидлар ва экстремизмга қарши олиб борилаётган
онлайн чоралар.....8

II. REGIONAL MEASUREMENT OF INTERETHNIC RELATIONS AND ETHNO-CULTURAL PROCESSES

- Беленов Н. В.**
Особенности языческого мировосприятия мордвы-мокши села Бахилово
на Самарской Луке 11
- Беленов Н. В.**
Этнокультурные процессы в мордовских населённых пунктах
Самарской области..... 13

III. FORECASTING OF REGIONAL DEVELOPMENT

- Абрамов Д. А., Галеев С. И., Заппаров Б. А., Пашина А. Д.,
Фейфер Р. Л.**
Создание классификации кластеризации и проработанности цифровых
данных для эффективного прогнозирования регионального развития..... 15
- Карачарова Т. И.**
Петр Ильич Чайковский на Белгородской земле (малоизвестные факты
из истории музыкальной культуры края) 23

IV. PROBLEMS OF STATE MANAGEMENT OF DEVELOPMENT IN REGIONS

- Яхонтова М. В.**
Государственная и региональная политика развития туризма:
результаты, риски и угрозы реализации 26

V. RELIGION – SCIENCE – SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERACTION

Goncharov V. N.

Communication processes in the relation of modern religious structures 33

Kolosova O. Yu.

World religions at the modern stage of social development in the context
of globalization 36

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2020 году 40

Информация о научных журналах 41

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 42

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 43

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF MODERN REGIONAL RESEARCHES

THE GAELTACHT AREAS AS SOURCE OF THE IRISH LANGUAGE REVIVAL

A. S. Konograi

*Master, degree student,
Metropolitan University Prague,
The Department of Anglophone Studies,
Prague, Czech Republic*

Summary. The Gaeltacht areas are the unique places on the Republic of Ireland territory. As the Irish language refers to the disappearing languages, it is extremely important to support its revival. The Gaeltacht areas are the best example to be the main source of the Irish language revival.

Keywords: the Irish language; Gaeltacht areas; language diversity; national speakers.

Ireland or the Republic of Ireland occupies a large part (about 83 %) of the island of Ireland, located in the Atlantic Ocean. Part of the island – Northern Ireland belongs to the United Kingdom. The first native speakers of the Irish language were descendants of settlers from the continent. The earliest records in Irish were made in the IV century. A few centuries later, remarkable literary works appeared – odes, heroic sagas, and poems written in Irish. The Irish language is one of the three Gaelic languages that form a branch of Indo-European family together with Scots Gaelic and Manx. The language has been spoken in Ireland for at least two thousand years and records of its literature stretch back to about the year 800 AD [3].

More than a million people in Ireland claim to understand the Irish language. About seventy thousand of them live in Gaeltachts. Gaeltacht is an Irish-language word for any primarily area of compact residence for the Irish speakers, people who use Irish in everyday communication. Paddy Sammon states in his book “Greenspeak: Ireland in her own words” that the government recognises that the Irish language is the predominant colloquial [7, p. 90].

These areas are mostly located along or near the West coast of Ireland (except for the Waterford and Meath Gaeltachts). Most of them are located in rural areas. Also a part of Galway and the Spidel city in the West, the Dingle town (South-West) are included to the Irish speaking area. During the 1920s, government policy aimed at restoring the Irish language and the Gaeltacht districts were first officially recognised. It was the early period of the Irish Free State existence [7, p. 91].

Now the Irish language is the mother tongue of a small minority and most Irish people hear it for the first time not from their parents but from the teacher in junior infants, where they also are often told their name in its Irish version.

Previously, "Radio in the Gaeltacht" was followed by youth FM stations in the Irish language in Dublin and Belfast. In their broadcasts, it is increasingly possible to hear not only free communication of speakers of all dialects. Comedy shows make fun of the "difficulty" of the Irish language, which has become a routine excuse for residents of large cities. What has been called the "death of the Irish language" for more than a century is now perceived as a lack of motivation and entails an interest in the rights of the Irish language in the real life of the society [6].

The number of young people who does not have a negative attitude to the Irish language, who speak Irish and are determined to achieve real equality in the use of Irish and English language in various areas of everyday life, is steadily increasing. They are united in their social interests and demands with the Gaeltacht people of all ages. Today, Irish speakers are a slowly growing and younger socially active minority. This means that the history and life of the modern Irish language continues.

In the 1990s, during a period of relative prosperity for the Irish economy, the number of the Irish language schools outside the Gaeltachts grew steadily [5]. Among the thousands of enthusiasts who promoted the opening of new schools were not only native Irish speakers who had left the Gaeltacht at various times. They were mostly ordinary parents who had not mastered Irish language properly in their time. By opening new schools and enrolling their children there, these people wanted their children to be able to learn their native language, which they could not understand themselves. Up to ten per cent of all Irish school children have attended such schools. These children, given the presence of radio and television in the Irish language and the absence of negative complexes, perceived and continue to perceive Irish in a completely different way than the majority of the Irish [4]. The growing interest of the younger generation in the language was also influenced by its recognition as one of the working languages of the European Union in 2007 [1].

According to the 2016 census, 1,761,420 people were native Irish speakers, while 1,774,437 people identified themselves as native Irish speakers in 2011. In 2016, people who speak Irish made up 39.8 % of the population [2].

When analyzing the territorial distribution of the Irish language, it can be seen that there are areas with a large number of native speakers, such as Leinster – 897,357 people (50.95 %) and areas with a small number of native speakers, such as Ulster – 104,013 people (5.91 %) [2]. Maintaining and developing the language is difficult in areas with a small percentage of native speakers. In areas where a large number of native speakers live, a natural language environment is formed, which contributes to the preservation and development of the Irish language.

The so-called Gaeltacht districts that were mentioned above are considered in the study separately. The total number of native speakers in Gaeltacht districts was 63664 at the 2016 census, down 4 % from 66238 at the 2011 census [2]. According to the 2016 census, Galway County Gaeltacht area has a population of 23,550 people, it is on 1.2 % less from the 2011 census (23,855 people): Donegal Gaeltacht area has a population of 15,879 people, less on 7.3 % from 17,132 in 2011 [2]. Meath Gaeltacht area and Waterford Gaeltacht area have approximately one thousand Irish Speakers.

The Irish language is at a stage of gradual revival, and the country's government is doing everything possible to help this. State programs aimed at preservation and revivals of the language are being created to support the language. This includes the legislation and financial assistance to organizations that restore the native language. For example, it is mandatory to study the Irish language in schools, television and radio broadcasts are conducted in Irish on several programs.

Gaeltacht districts are unique territories where the Irish language is the main language. They are the hope for the natural revival of the language.

Bibliography

1. An official website of the European Union. "EU languages". Accessed March 10, 2020. https://europa.eu/european-union/about-eu/eu-languages_en
2. Central Statistics Office. "Census 2016 Profile 10 – Education, Skills and the Irish Language". <https://www.cso.ie/en/csolatestnews/presspages/2017/census2016profile10educationskillsandtheirlanguage>
3. Encyclopedia Britannica. "Irish language". Accessed March 24, 2020.
4. <https://www.britannica.com/topic/Celtic-languages/Irish>
5. Ireland's history magazine. "History Ireland". <https://www.historyireland.com>
6. Magazine. "The Irish Times". <https://www.irishtimes.com>
7. RTE. "Raidió na Gaeltachta". <https://www.rte.ie/rnag>
8. Sammon, Paddy. Greenspeak: Ireland in her own words. Dublin: Town House and Country House, Ltd, 2002.

КИБЕРМАКОНДАГИ ТАҲДИДЛАР ВА ЭКСТРЕМИЗМГА ҚАРШИ ОЛИБ БОРИЛАЁТГАН ОНЛАЙН ЧОРАЛАР

М. З. Абдуллаева

PhD,
Ўзбекистон халқаро ислом академияси,
Тошкент, Ўзбекистон

Summary. This article investigates online measures which were taken against threats and extremism in cyberspace. It was given examples of the using politics of Facebook and You Tube global social networks due to removing such kind of contents.

Keywords: cyberspace; extremism; terrorism; Islamic web sites; social networks; Facebook; You Tube.

Дунё аҳолиси эндиликда интернетга уланиш билан чекланмай, унда фаолият олиб бормоқдалар. Янги технологиялар ҳаётимизга шиддат билан кириб келиши ўзининг ижобий жиҳатлари баробарида салбий жиҳатларини ҳам намоён қилмоқда. Мобил телефонлар ёки онлайн ўйинлар, дунёқараши тўлиқ шаклланиб улгурмаган болалар ва ўсмирларни кибермакон орқали таҳдидлар ва зўравонликларга дуч келиш ҳоллари ўсишига сабаб бўлмоқда.

Кибермакондаги экстремистик ҳамда террорчилик руҳидаги контентнинг жадал ортиб бориши йирик ахборот коммуникация технологиялари ташкилотларинининг истеъмолчилар сиёсатида қатор ўзгартиришларни киритишни талаб этди. Масалан, ижтимоий тармоғининг контент сиёсатида қуйидагилар келтирилган:

- фойдаланувчилар тўғридан-тўғри ташкилотга лозим бўлмаган контент ҳақида маълумот юборишлари мумкин. Facebook экспертлари мазкур контентни ўрганиб чиқиб, унда жамоат хавфсизлиги ёки жисмоний зарар етказишга қаратилган хатар мавжуд деб топсалар, ташкилот мазкур контентни ўчириб ташлайди ҳамда ҳуқуқ тарғибот органлари билан ҳамкорликда иш олиб боради;
- Facebook ўз платформасида зўравонликни тарғиб қилувчи ёки тайзиққа чорловчи биронта ҳам ташкилот ёки шахснинг фаолият юритишига рухсат бермайди. Бу эса ўз навбатида террорчилик ҳаракатларига жалб этилган, оммавий ёки серияли қотиллик, одам савдоси билан шуғулланувчи, уюшган жиноятчилик гурҳларининг иштирокчилари ғояларининг ҳамда ҳаракатларининг кибермаконда тарқалишига чек қўйишга қаратилган.

Бугунги кунда дунёдаги энг катта видео контентига эга бўлган YouTube платформаси контентни йўқ қилиш сиёсатида халқаро террорчилик ташкилотлари деб тан олинган гуруҳлар томонидан тайёрланган материалларни алоҳида эътиборга олган. Шунингдек, террорчилик ташкилотлари томонидан YouTube платформасини тарафдорлар орттиришга қаратилган ташвиқотлар, террорчилик

ходисаларининг кўкларга кўтарувчи ҳамда зўравонликка ундовчи видеолар жойлаштириш мақсадида фойдаланишни таъқиқлайди. Фойдаланувчи платформадаги мақбул бўлмаган контентни белгилаши ёки хабар юбориши орқали ташкилотчиларни огоҳлантириши мумкин. Бунда контент ҳақида маълумот юборган шахс аноним бўлиши таъминланади.

“Facebook” компаниясининг 2018 йилдаги ҳисоботида кўра 2018 йилнинг биринчи чорагида 1,9 миллион Ал-Қоида, ИШИД каби террорчилик ташкилотлари томонидан юборилган хабарларга мажбурий чоралар кўрилган. Таъқиқланган материалларни ўзида мужассам этган 99,5 % хабарлар фойдаланувчилар томонидан белгилангунга қадар йўқ қилинган.

Ўзбекистонда мазкур йўналиш бўйича Ахборот хавфсизлигини таъминлаш маркази, Халқ таълими вазирлиги, Олий ва ўрта махсус таълим вазирлиги билан ҳамкорликда “Онлайн муҳитда ёшларни ҳимоя қилиш бўйича қўлланма” ишлаб чиқилган. Унда таҳликали шароитларда ўзини муҳофаза қилиш, хавф-хатарлар ва таҳдидлардан ҳимояланишнинг мураккаб бўлмаган қоида ва тавсиялари берилган.

2018 йилда Ўзбекистон “Кибермаконда хавфсизлик ва ишонч ҳақидаги Париж декларацияси”ни қўллаб-қувватлаган ва қўшилган. Парижда 2018 йилнинг 12–14 ноябрь кунлари бўлиб ўтган “Интернетни бошқариш форуми” (Internet Governance Forum) натижаларига кўра “Кибермаконда хавфсизлик ва ишонч ҳақидаги Париж декларацияси” қабул қилинган. Мазкур ҳужжат кибермаконда хавфсизликни таъминлашнинг умумий принципларини ўзида мужассам этган. Унда қайд этилишича кибермакон бугунги кунда нафақат имкониятлар макони, балки янги таҳдидлар манбаи ҳамдир. “Интернетни бошқариш форуми”да Париж чақириғини қўллаб қувватлаган давлатлар, хусусий компания ва жамоатчилик ташкилотлари қуйидагиларни ҳамкорликда амалга оширишга ҳаракат қиладилар:

- онлайн маконда ёвузликка чақирувчи ҳаракатларнинг олдини олиш ва қарши туриш чораларини кўриш;
- Интернет очиклиги ва яхлитлигини ҳимоя қилиш;
- сайлов жараёнларига аралашмаслик бўйича ҳамкорлик қилиш;
- кибервоситалар ёрдамида интеллектуал мулк ҳуқуқлари бузилишига йўл қўймаслик;
- зарарли кибердастурлар ва усулларни тарқатилишидан огоҳлантириш;
- рақамли маҳсулотлар ва хизматлар хавфсизлигини ҳамда “кибергигиена” маданиятини ошириш;
- “кибер-буюртмалар” ва нодавлат субъектларнинг тажовузкор ҳаракатларига қарши чоралар кўриш;
- халқаро меъёрларни мустаҳкамлаш бўйича ҳамкорликда иш олиб бориш.

Париж декларациясида белгилаб ўтилганидек, ёшларда “кибергигиена” маданиятини шакллантириш билан бир қаторда техника

воситаларидан оқилона фойдаланиш кўникмасини ҳам шакллантириш давр талаби.

Библиографик рўйхат

1. Abdullayeva, Moxira (2018) "APPROACHES FOR STUDYING RELIGIOUS PROCESS IN CYBERSPACE," *The Light of Islam*: Vol. 2018 : Iss. 1 , Article 13.
2. Адуллаева М.З. “UZ” доменидаги онлайн фатво сайтлари таҳлили // Religion – science – society: problems and prospects of interaction: materials of the IX international scientific conference. – Prague: Vedecko vydavelske centrum “Sociosfera-CZ”, 2019. – Б. 17-19.
3. Abdullaeva M.Z. Media space of domain UZ (on the example “islom.uz”) // International Scientific Journal ISJ Theoretical & Applied Science. –Philadelphia (USA), 2019. № 10. – P. 56-59.
4. Catherine A. Theohary, John Rollins. Terrorist Use of the Internet: Information Operations in Cyberspace. <https://www.files.ethz.ch/isn/127746/158490.pdf>
5. Gabriel Weimann, "Online terrorists prey on the vulnerable", YaleGlobal Online, 5 March 2008. <http://yaleglobal.yale.edu/content/online-terrorists-prey-vulnerable>.
6. Использование Интернета в террорчических целях. Организация Объединенных Наций, май 2013 года.
7. Alimova, Mahfuza (2020) "THE CONTRIBUTION OF IMAM AD-DARIMI TO THE DEVELOPMENT OF HADITH SCIENCE," *The Light of Islam*: Vol. 2020 : Iss. 2 , Article 15.
8. Isakdjanov, R. (2019). Rational principles in Ibn-Sina’s theological education and their characteristic features. *The Light of Islam*, 2019(3), 8.

II. REGIONAL MEASUREMENT OF INTERETHNIC RELATIONS AND ETHNO-CULTURAL PROCESSES

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ МОРДВЫ-МОКШИ СЕЛА БАХИЛОВО НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

Н. В. Беленов

*Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный социально-
педагогический университет,
г. Самара, Россия*

Summary. This article describes some of the features of the pagan worldview Moksha-Mordovians of the village Bailovo in the Samara Luka. Both common features of pagan rites in the Mordovian villages of the Samara Luka and elements inherent only of the bakhilovsky Mordva are revealed. The work based on the author's own field materials.

Keywords: religion; Mordva; Samara region.

Мордва-мокша Самарской Луки составляет отдельную этнотерриториальную группу мордвы, со своим особым диалектом, культурными традициями и мировоззрением. Сама данная группа также неоднородна, что проявляется как в языковых различиях между её этнотерриториальными составляющими, так и в культурных [1].

В настоящее время самаролукская мордва представлена тремя сёлами – Бахилово (Ставропольский район Самарской области), Торновое и Шелехметь (Волжский район Самарской области). В каждом из них сложилась своя этнокультурная традиция, важнейшей составляющей которой являются религиозные представления и культовая обрядность.

Торновская и шелехметская мордва, ввиду ареальной близости, имеет сходные религиозно-культовые традиции, в отличие от бахилловской мордвы, которая находится на Самарской Луке в относительной изоляции. Вместе с тем, необходимо отметить, что имеется и ряд общих черт в языческом мировосприятии мордвы Самарской Луки. Одна из них – почитание вяза, как священного дерева. Подобного рода обычаи поклонения отдельным деревьям и священным рощам у финно-угров вообще и у мордвы в частности описаны неоднократно [3], однако, отличительной особенностью самаролукской мордвы является именно почитание вязов.

Так, в окрестностях села Торновое имеется урочище с названием *Поклонный Вяз*, где раньше произрастал вяз, к которому мордовские девушки ходили просить себе счастливой судьбы. В селе Бахилово до недавнего времени (последняя четверть XX века) также росли два старых дуплистых вяза, к которым приходили молиться жители села – преимущественно,

женщины. У каждого из них были свои наименования – *Ала тьяса* – ‘Здесь низ’ и *Вере тьяса* – ‘Здесь верх’. Точная интерпретация данных названий к настоящему времени забыта (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018) можно лишь предполагать, что молебные места у этих деревьев в языческом миропонимании бахилловской мордвы составляли дуальную систему.

Основным же отличием бахилловского язычества не только от торновской и шелехметской мордвы, но и от языческих представлений других мордовских этногрупп Самарского Поволжья, является наличие культа Керемети.

Понятие керемети в языческих представлениях поволжских народов имеет двойственный смысл: с одной стороны, так обозначаются места языческих молений и жертвоприношений, с другой – это название духов, которым жертвоприношения приносятся [2].

В Бахилово понятие керемети персонифицировано, здесь *матушка Кереметь* является хранительницей родников и вообще водных объектов. Также надо отметить, что почти все такие объекты у бахилловской мордвы так или иначе связаны с языческими обрядами.

Наиболее известно в этой связи так называемое *Ведьмино озеро*, у которого до недавнего времени проводился праздник урожая.

В целом, надо отметить, что целостная картина языческого (и синкретического) мировосприятия бахилловской мордвы к настоящему времени может считаться утраченной, и исследованию подлежат лишь несколько её разрозненных элементов. Тем не менее, такое исследование, как было продемонстрировано на приведённых примерах, способно, с одной стороны, выявить значительное своеобразие религиозных представлений мордвы-мокши села Бахилово, с другой – определить общие религиозные мотивы между населением различных мокшанских сёл на Самарской Луке.

Библиографический список

1. Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. – Самара: Портон-принт, 2018. 200 с.
2. Беленов Н.В. Эволюция названий культовых мест у чувашей Левобережья Самарского Поволжья//Языковые единицы в свете современных научных парадигм. – Уфа, 2018. С. 291 – 295.
3. Девяткина Т.П. Мифология мордвы. – Саранск: Красный Октябрь, 2007. 332 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВСКИХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТАХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. В. Беленов

*Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный социально-
педагогический университет,
г. Самара, Россия*

Summary. The article considers some ethno-cultural processes taking place at the present stage in the Mordovian localities of the Samara region. The main attention is paid to the problem of replacing the indigenous population with newcomers and Russification of the Mordovian population. The work based on the author's own field materials.

Keywords: ethnic processes; Mordva; Samara region.

Самарская область отличается многонациональным составом населения, что объясняется уникальным географическим расположением и сложной этноязыковой историей региона.

Среди коренных народов области особое место занимает мордва, представленная в регионе как эрзянами, так и мокшанами.

Мордовское население отмечается практически во всех муниципальных районах Самарской области, при этом мокшанские населённые пункты встречаются, прежде всего, в Волжском, Ставропольском и Красноярском районах области, а большинство эрзянских населённых пунктов сконцентрировано в Шенталинском, Исаклинском, Клявлинском и Похвистневском районах Самарской области.

В настоящее время во всех без исключения мордовских сёлах региона нами отмечается вытеснение мордовских языков из бытового общения другими языками, прежде всего – русским языком. Вместе с тем, отмечается и изменение этноязыковой идентичности мордовского населения региона. Так, если старшее поколение в мордовских сёлах уверенно идентифицирует себя как мордва (в Самарском Поволжье мокшане и эрзяне чаще всего для идентификации пользуются именно данным экзоэтнонимом, если не задаётся уточняющий вопрос), то представители среднего и молодого поколения в большинстве своём чувствуют себя русскими и мордовскими языками не владеют (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, 2019).

Можно сказать, что буквально на глазах исчезают самобытные, уникальные мордовские говоры, изучение которых имеет неопределимое значение для мордовской диалектологии и финно-угорского языкознания в целом.

Так, на Самарской Луке, из трёх сохранившихся до настоящего времени мокша-мордовских говоров, живыми можно признать только два – торновский и шелехметский. Третий, бахиловский, находится на грани вымирания и восстановить его уже не представляется возможным [1].

В течение двух последних десятилетий утрачены полностью: мокшамордовский говор села Трофимовка Нефтегорского района, мокшамордовский говор посёлка Бахилова Поляна Ставропольского района (возможно, являлся идентичным бахиловскому говору), грачёвский говор эрзамордовского языка в Красноярском районе, владимировский говор эрзамордовского языка в Исаклинском районе, вязовский говор эрзамордовского языка в Шенталинском районе, ряд изолированных эрзянских говоров в Похвистневском районе Самарской области.

Имеется ряд мордовских говоров, которыми владеют единичные носители – например, большекаменский говор эрзамордовского языка в Красноярском районе Самарской области (ПМА, Самарская область, Красноярский район, Большая Каменка, 2020).

Надо отметить также, что, при внутрирегиональной миграции населения, процессы взаимных переселений между мордовскими сёлами приводят к ассимиляции и вытеснению редких мордовских говоров более распространёнными. Так, в Большой Каменке Красноярского района и Трофимовке Нефтегорского района нами отмечено вытеснение местных говоров (соответственно, эрзянского и мокшанского) эрзянскими говорами Шенталинской мордвы.

Перечисленные выше факты говорят о том, что всестороннее исследование мордовских говоров Самарского Поволжья является одной из актуальнейших задач современного мордовского и финно-угорского языкознания.

Библиографический список

1. Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. – Самара: Портос-принт, 2018. – 200 с.

III. FORECASTING OF REGIONAL DEVELOPMENT

СОЗДАНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ КЛАСТЕРИЗАЦИИ И ПРОРАБОТАННОСТИ ЦИФРОВЫХ ДАННЫХ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д. А. Абрамов
С. И. Галеев
Б. А. Заппаров
А. Д. Пашина
Р. Л. Фейфер

*Старший преподаватель,
старший преподаватель,
кандидат экономических наук, доцент,
кандидат юридических наук, доцент,
кандидат экономических наук, доцент,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. This article observes ecosystem, which creates as many data redistributions as possible in order to cluster and classify them. Conventionally, redistributions can be divided into zero, lowest, low, middle, high, and highest level of clusterization. The higher the redistribution of data, the more contractors are involved, both in the process of their creation and use, and thereby the multiplier effect in the regional economy increases.

Keywords: regional economics; statistics; data redistribution; data clusterization; data classification; big data analytics.

С каждым годом увеличивается скорость распространения цифровых технологий в промышленности и быту. Автоматизированные системы применяются повсеместно, от крупных промышленных предприятий до телеметрических систем, определяющих показатели нашего здоровья. Вместе с тем растут и наши потребности в применении этих технологий для удовлетворения индивидуальных запросов и повышении качества сервисов не в «масштабах всего человечества» или страны, а для конкретного региона и в конечном счёте для отдельного человека.

Вместе с тем можно отметить интересную тенденцию. Так Uber – самый крупный сервис на рынке поставки таксомоторных услуг не владеет ни одним автомобилем, один из крупнейших ритейлеров в мире – Alibaba – не имеет своих запасов, крупнейший медиа ресурс в мире – Facebook – не создает контент, а самый большой провайдер недвижимости Airbnb – не владеет ни одним объектом. Каждая из вышеуказанных компаний, а также огромное количество других не владеют средствами производства, а занимаются только сбором, анализом и обработкой информационных потоков.

В современном мире появилась отдельная область знаний и связанный с ней рынок – «Большие данные», расширение которых идет в непрерывно убыстряющемся темпе (в среднем рост рынка аналитики больших

данных на 35,9 % в год и составит 67,2 млрд.\$ к 2021 году, что в 2,5 раза больше аналогичного показателя в 2016 году). При этом крупнейшими сегментами рынка являются производственный сектор (что определяется общей тенденцией «Индустрии 4.0», которая характерна для создания умных производств), финансы, здравоохранение, охрана окружающей среды (далее – ООС) и розничная торговля. Активно растет спрос на продукты в сфере персонализированных услуг, а также на стабильно высоком уровне остается спрос на услуги в сфере ООС, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Также аналитика больших данных все чаще используется частными компаниями и правительственными организациями для оценки экологических рисков, оптимизации использования ресурсов и обеспечения соблюдения экологических норм. Global Forest Watch 2.0 – один из проектов по обеспечению сохранности лесов, реализуемый World Resource Institute в сотрудничестве с Google Inc. С момента начала проекта и внедрения решений BDA в 2013 году темпы обезлесения Амазонии снизились на 80 % по сравнению с 2004 годом [1].

Необходимо отметить и рост объема генерируемых данных. В 2018 году было сгенерировано 33 Збайт данных, из которых 7,6 и 6,9 Збайт были сгенерированы в Китае и США соответственно. К 2025 году в мире будет уже 175 Збайт. При этом информация все чаще рассматривается как валюта, на которую опирается мировая экономика и является самым ценным нематериальным активом компаний, который может обеспечить конкурентное преимущество в цифровой трансформации [2].

Несмотря на наличие данного тренда возможности по использованию такого колоссального объема данных остаются весьма ограниченными, причем не только на уровне отдельного человека, но и государств. Ведущие страны уже осознали всю важность новых тенденций и приняли на себя ведущую роль в данном процессе, однако методы достижения цели используются различные. Одним из примеров прямого управления данным процессом может служить «система социального кредита» созданию и внедрению которой был дан старт в КНР 14 июля 2014 года. Несмотря на широкое освещение в СМИ и активный общественный дискурс аспектов, связанных с рейтингом отдельных граждан, наиболее развитой является часть системы связанная с работой предприятий. В США и ЕС [3] ставка делается на стимулирование работы технологических гигантов через поддержку и стимулирование работ по требуемым направлениям. Технологической платформой для данного процесса в обоих случаях служат продукты и сервисы крупных технологических гигантов (Google, Microsoft, Apple, Alibaba Group, Tencent и т.д.), вокруг которых формируется сеть сервисов выполняющих функции сбора, обработки и анализа данных. Вкупе с сервисами, обеспечивающими удовлетворение потребностей пользователей таких систем можно говорить о возникновении экосистемы капитализации данных.

Отдельно следует обозначить отличия, связанные с типом генерируемых крупными IT-гигантами данных в КНР и США. Если компании Силиконовой долины накапливают данные об активности пользователей на своих платформах и впоследствии предлагают определенные решения на основе данной информации, то китайские компании, будучи консорциумами с полным набором сервисов для своих клиентов собирают данные о покупках, передвижениях и других аспектах реальной жизни своих клиентов (как и экосистемы «Сбер» или «Яндекс»). Такие данные, зачастую, обладают большей ценностью с точки зрения принятия менеджерских решений, т.к. предоставляют бизнесу информацию об уже подтвержденном спросе [4].

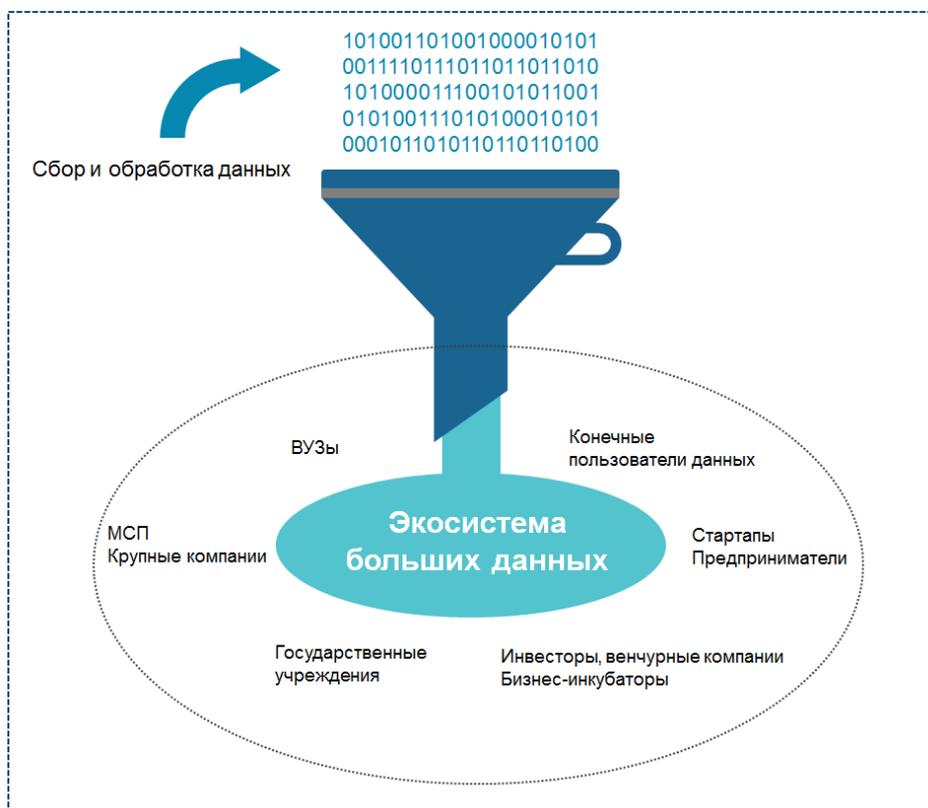
Несмотря на все вышесказанное, у данного процесса есть два комплиментарно связанных между собой недостатка. Во-первых, существующие в настоящее время экосистемы не являются прозрачными с точки зрения как сбора данных, так и их последующего предоставления игрокам на рынке. Особняком на этом поле игроков располагается государство, зачастую монополизировавшее право на слежку, но предоставляющее доступ к собираемой аналитике отдельным структурам по не самой понятной схеме. При этом, несмотря на генерирование огромного количества информации обо всех аспектах жизни человека и повсеместном использовании цифровых технологий при автоматизации процессов, реальное количество доступных для дальнейшей обработки и анализа данных ничтожно мало из-за неэффективных и не слишком надежных технологий агрегирования и обезличивания. Частичное решение данной проблемы представлено в Общем регламенте защиты персональных данных (GDPR) принятом ЕС. Однако реализация базовых принципов, закрепленных в данном документе с целью повышения прозрачности работы с данными на текущий момент представляется затруднительной.

Вторым негативным моментом представляется низкое, с точки зрения статистики, качество собираемых данных. В большинстве случаев, собираемые данные отражают только отдельные аспекты жизнедеятельности пользователей экосистемы, что в сочетании с отсутствием эффективного обмена данными между различными компаниями приводит к субъективизму анализа информации. Только китайский подход к сбору и анализу информации дает более четкое представление о реальной жизни пользователей. Такая ситуация приводит к тому, что выявляются только самые общие, ярко выраженные тренды, действующие в рамках больших сообществ, а производимые на основе данной информации выводы зачастую неверны в локальных ситуациях.

Решение этих двух задач через создание открытой экосистемы больших данных, где отдельные элементы могут взаимодействовать в единой прозрачной цифровой плоскости позволит решить данные проблемы. Основным ее принципом должно быть предоставление возможности доступа к данным для всех заинтересованных участников, тем самым облегчая до-

ступ к данным, знаниям, разработкам и капиталу. Такой подход позволяет повысить эффективность обработки генерируемых данных, а также объединить разрозненные банки данных для последующего повторного анализа, повысить прозрачность операций с информацией, а также значительно увеличить качество обрабатываемой информации (достоверность, надежность, релевантность). Следует отметить, что в центре внимания при создании экосистемы капитализации больших данных должна находиться социальная ценность для регионального развития. Более эффективное использование данных в экономике и обществе будет способствовать достижению цели цифровой повестки дня для региона и реализации потенциала единого цифрового рынка. Это будет способствовать разумному, устойчивому и всестороннему росту и созданию рабочих мест, как в конкретном регионе, так и на всей территории государства.

Для успешного функционирования, экосистема больших данных должна объединять ключевые заинтересованные стороны с очевидной выгодой для всех так, как показано на рисунке ниже:

Рис. 1. Экосистема кластеризации больших данных

Каждый из участников экосистемы является одновременно и создателем и потребителем данных, а также выполняет определенные функции, обусловленные их спецификой и имеющимися инструментами.

Поставщики технологий: как правило, организации (крупные и малые и средние) выступают как поставщики инструментов, платформ, услуг и ноу-хау для управления данными [4]. Вузы: исследование новых техно-

логий и методологий, необходимых для продвижения больших данных, создание кадрового резерва. Конечные пользователи данных: лица или организации из различных промышленных секторов (частных и государственных), которые используют технологии и услуги больших данных в своих интересах. Стартаперы и предприниматели: разрабатывают инновационные технологии, продукты и услуги, основанные на данных. Инвесторы, венчурные капиталисты и бизнес-инкубаторы: организации, которые предоставляют ресурсы и услуги для развития «коммерческого» потенциала экосистемы. Государственные учреждения: принятие юридических норм и законов, защищающих пользователей и поставщиков данных.

Создание единой экосистемы больших данных способствует созданию «инноваций» вокруг услуг и продуктов на основе данных (бизнес-аналитика, системы поддержки принятия решений, другие услуги с добавленной стоимостью). Развитие эффективно функционирующей экосистемы кластеризованных данных может значительно улучшить качество исследований, финансируемых государством и частным сектором, повысить выживаемость стартапов, увеличить количество создаваемых субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), улучшить использование данных для принятия обоснованных управленческих и поведенческих решений в частном и государственном секторах [5].

Вышеуказанный подход может быть усилен за счет создания механизма циклической обработки данных участниками экосистемы. Особенностью такого подхода является возможность использования участниками экосистемы не только той информации, которая генерируется в соответствии с их непосредственными функциями в рамках рыночных механизмов, но и той информации, которая создается в результате побочных действий. Таким образом, несколько дополнительных уровней данных могут быть добавлены к исходной информации. В данном случае данные генерируются органами государственного сектора или частными компаниями таким образом, чтобы облегчить повторное использование и генерацию новых данных снова и снова. В случае максимально эффективной работы системы информация в экосистеме обновляется без необходимости применения процедур принудительного генерирования данных на входе.

Цикл капитализации кластеризованных данных в рамках экосистемы представим в виде определенной последовательности действий участников, которую можно проиллюстрировать примером, а также рис. 2:

1. Получение и верификация конкретных данных генерируемых отдельным участником рынка в разрезе конкретного бизнес-процесса. Например, сбор данных с конкретного станка с числовым программным управлением (далее – ЧПУ) на конкретном производстве.

2. Агрегация, интеграция и предварительная обработка данных полученных всем спектром участников связанных определенным признаком (например, функциональным или территориальным), но в рамках отдельного бизнес-процесса для последующего анализа. К примеру, сведение

воедино данных со всего производственного цеха, создание базы данных, по данному производству.

3. Анализ, визуализация и генерирование отчетов на основе данных, собранных на предыдущем этапе создает первый «слой» информации, напрямую доступный человеку для обработки. Эта информация позволяет определить общие параметры производства (например, процент работоспособных на текущий момент станков), а также увязать эти показатели с конкретными специалистами, обеспечивающими стабильную работу предприятия. В результате могут быть выявлены тренды характеризующие работу системы анализируемых объектов полезные для принятия управленческих решений.

4. Применение продуктов и сервисов для проведения глубокого анализа информации, поступающей из нескольких источников агрегированных данных. Причем источники данных могут группироваться по более общим признакам и не быть связанными между собой напрямую. Так применение информационно-аналитических систем на всем производстве позволяет не только проанализировать информацию со всех производственных цехов предприятия, но и других функциональных подразделений, что позволяет оценить работу структуры в целом и значительно ускоряет процесс принятия решений, увеличивает прозрачность процессов и в целом повышает ее эффективность.

5. Обработка и анализ данных с помощью агрегаторов различных сервисов («агрегаторы агрегаторов») позволяет создавать дополнительную ценность. Например, специализированные платформы, агрегирующие данные о результатах работы различных производств могут помочь оценить эффективность работы отдельных секторов промышленности, торговли и любых иных отраслей деятельности. Такая информация позволяет выявить долгосрочные, устойчивые тренды, на основе которых возможно долгосрочное планирование.

6. Дальнейшая агрегация данных в рамках единой платформы. По сути, на этом уровне происходит слияние всех потоков. На этом уровне реализуются все специфические особенности «больших данных» – «три V» – объем (в смысле величины физического объема), скорость (в смыслах как скорости прироста, так и необходимости высокоскоростной обработки и получения результатов), многообразие (в смысле возможности одновременной обработки различных типов структурированных и полуструктурированных данных). Данные, полученные на каждом из этапов, могут использоваться для проведения ретроспективного анализа или прогнозирования будущей ситуации. Максимальная открытость данных на этом уровне позволит значительно ускорить дальнейшее создание новых сервисов, повысить диверсифицированность экономики, а также сформировать более эффективные подходы к управлению социальными и бизнес-системами.

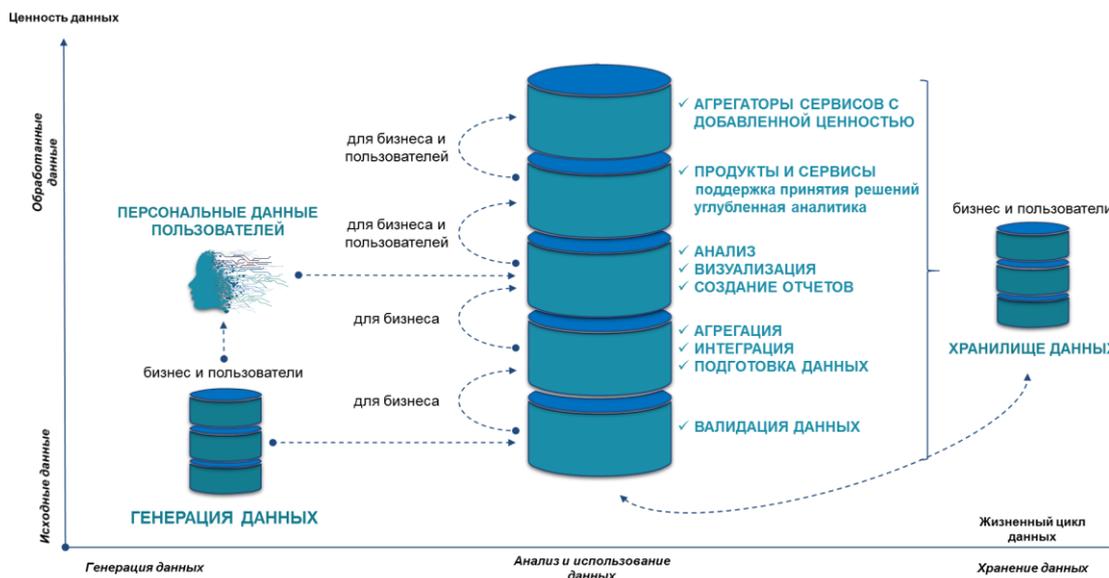

Рис. 2. Экосистема кластеризации и капитализации больших данных

Такая обработка и «постобработка» данных, в общем масштабе экосистемы, значительно повышают эффективность решений принятых на основе полученных таким образом данных, за счет обратной связи от всех участников рынка/экосистемы.

Данная экосистема направлена на создание как можно большего числа переделов данных с целью их кластеризации и классификации. Условно переделы можно разделить на нулевой, низший, низкий, средний, высокий, высший уровень. Чем выше передел данных – тем большее количество подрядчиков вовлечено, как в процесс их создания, так и использования, а тем самым возрастает мультипликативный эффект в экономике [6].

В соответствии с этой моделью, каждый передел может быть определен как уровень поставки данных (DTL – Data Logistics Level). Наиболее близким аналогом такой градации является условное разделение цепи поставок на различные типы операторов:

- 1PL (соответствует первому уровню градации цикла капитализации данных), который представляет собой владельца груза, который сам выполняет операции забора-доставки груза;
- 2PL (соответствует второму и третьему уровням градации цикла капитализации данных), представляющий собой подрядную компанию, предоставляющую услуги по транспортировке товаров только на каком-то определенном участке транспортной цепи;
- 3PL (соответствует четвертому уровню градации цикла капитализации данных) – специализированная компания, которой поручается аутсорсинг всех или большей части логистических операций;
- 4PL (соответствует пятому уровню градации цикла капитализации данных) – компания-подрядчик или совместное предприятие с гру-

зовладельцем, выступающее посредником между производителем и одним и более ее партнерами;

- 5PL (соответствует шестому уровню градации цикла капитализации данных), которые представляют собой сетевой бизнес.

Также, как уже упоминалось выше, экосистема также состоит не только из систем сбора и анализа данных, но и из сервисов, оказывающих услуги на базе полученной информации пользователям системы. Поэтому по аналогии с оценкой соответствия уровней «готовности технологии» (TRL) и «готовности производства» (MRL) при принятии инвестиционных решений о внедрении новой инновационной разработки является целесообразным оценивать зрелость экосистемы или составляющих ее элементов (DRL – Data Readiness Level), чтобы иметь возможность оценить ее потенциал и готовность/способность к предоставлению качественной информации для подключаемых сервисов.

Примером реализации подобной модели может служить ряд медицинских информационных систем в Западной Европе (Голландия, Франция), где данные о статистике заболеваемости генерируются в режиме онлайн, по мере установления врачами диагнозов и фиксации их в программном обеспечении (далее – ПО). Таким образом, отсутствует необходимость в заполнении огромного количества отчетов о заболеваемости населения и упрощается процедура подсчета мотивационных бонусов. При этом государственные институты, в свою очередь получают обратную связь непрерывно и обладают возможностью принимать аргументированные, обусловленные ситуацией решения без задержек на проведение сбора данных [7]. В свою очередь государственные институты, получая непрерывную обратную связь, обладают возможностью принимать аргументированные, обусловленные ситуацией решения без задержек на проведение сбора данных.

Создание подобной экосистемы данных потребует решения ряда технических проблем, связанных со стоимостью и сложностью публикации и использования данных. Современные экосистемы сталкиваются с рядом проблем, таких как сбор данных, их обработка, связывание, синхронизация, распространение, бизнес-моделирование, а также продажи и маркетинг. Кроме того, необходимо решить ряд проблем, связанных с предоставлением предпринимателям и венчурным капиталистам легкого доступа к экосистеме, сохранением конфиденциальности и безопасности для всех участников экосистемы, соблюдением прав интеллектуальной собственности и законов.

Такой подход позволяет снизить технологическую конкуренцию, основанную на сходстве различных применяемых агентами технологических решений, открыв при этом простор для конкуренции рыночной и тестирования различных бизнес-моделей.

Библиографический список

1. Frost & Sullivan // Tadviser - 28.01.2019
2. «Rethink Data: эффективное использование корпоративных данных на периферии и в облаке» // Seagate Technology PLC - 2020
3. A European strategy for data // <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/building-european-data-economy> - 2020
4. «Как Китай стал супердержавой в интернете» // Harvard Business Review Россия – август 2019 <https://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/808519>
5. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе // Манн, Иванов и Фербер. - 2011. – с.10.
6. Шёнталер Ф., Фоссен Г., Обервайс А., Карле Т. Бизнес-процессы. Языки моделирования, методы, инструменты // Альпина Паблишер. - 2019. – с. 8.
7. Кай-фу Ли Сверхдержавы искусственного интеллекта: Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок // Манн, Иванов и Фербер. - 2019. – с. 5.

ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ НА БЕЛГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ (малоизвестные факты из истории музыкальной культуры края)

Т. И. Карачарова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Белгородский государственный
институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

Summary. The article presents little-known facts about the stay of the great Russian composer Pyotr Ilyich Chaikovsky on the Belgorod land in the summer of 1881 and 1883. The trips are connected with a visit to his older brother Nikolai, who had an estate in the village of Ukolovo. Here the composer worked fruitfully on his last Opera "Iolanthe", and here the work on the score of the Third piano Concerto was completed.

Keywords: P. I. Chaikovsky; Belgorod land; Third piano Concerto.

«Что касается вообще русского элемента в моей музыке, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства самого раннего проникся неизъяснимой красотой русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях...», – эти слова из письма Петра Ильича Чайковского к Надежде Филаретовне фон Мекк объясняют, почему композитора привлекали уютные сельские поместья, где он находил покой от Москвы и Петербурга, где он мог отдохнуть от напряжённых гастролей, где к нему возвращалось творческое вдохновение. Среди любимых подобных мест (Майданово, Каменка, Вербовка, Низы, Клин) есть и село Уколово. В наше время территориально относится к Губкинскому району Белгородской области, во времена Чайковского – к Обоянскому уезду Курской губернии.

Для Чайковского семейные связи на протяжении всей жизни были очень важны. У родителей знаменитого композитора Ильи Петровича и Александры Андреевны было шестеро детей. Петр Ильич поддерживал

тёплые дружеские отношения со всеми своими братьями и сестрой, гостил у них, их связывали и профессиональные интересы.

Но, как свидетельствуют биографы композитора, наиболее близок ему был старший брат – первенец Николай (родился в 1838 году). Умный и добрый, прилежный и обаятельный, по возрасту почти ровесник будущему композитору, их объединяли общие занятия и друзья в детские и юношеские годы. Родители видели для них и одинаковое будущее – идти по стопам отца, стать горными инженерами. И лишь в последний момент для Петра было выбрано Петербургское Училище правоведения (где он в свободное время занимался вокалом у Г. Я. Ломакина), а Николай, как и предполагалось, в августе 1850 года становится студентом Горного института. Освоив профессию горного инженера, Николай Ильич служил на Харьковской железной дороге, имение имел в селе Уколово.

Летом 1891 года П. И. Чайковский трудился над оперой «Иоланта», сильно устал и хотел немного отдохнуть. В самом начале лета он пишет брату Николаю, что скоро пожалует к нему в Уколово. В архиве Петра Ильича сохранилось письмо другому брату, Модесту, направленное из села Майданово 7 августа 1891 года: «Приближается время моего отъезда в Уколово (к брату Николаю) и Каменку, а между тем «Иоланта» далеко не кончена. Вероятно придётся отложить окончание до возвращения; да оно и лучше будет, ибо если задаться задачей во что бы то ни стало кончить теперь, то напишу кое-как. Однако две вещи будут исполнены безусловно – Уколово и Каменка» [1, с. 251].

«Иоланта» – последняя опера П. И. Чайковского (соч. 69). К сочинению «Иоланты» Чайковский приступил в 1891 году, начав её 10 июля с финального дуэта. К 4 сентября вся музыка была написана, а в декабре закончена оркестровка. Премьера состоялась 6 (18) декабря 1892 года в петербургском Мариинском театре в исполнении артистов Императорской труппы.

Судя по Дневнику и письмам композитора, в Уколово Петр Ильич пробыл четыре дня, с 14 по 18 августа. И хотя поездка по времени была короткой, впечатления она оставила глубокие, и по возвращению в Майданово Пётр Ильич спешит поделиться увиденным со своим третьим братом Анатолием: «Милый Толя! Только что приехал домой. Уколово и жизнь Коли мне очень понравились. Провёл у них четыре дня чрезвычайно приятно. Ездил в Коренную Пустынь, а один день провели у Фета. Я его видел в первый раз в жизни и нашёл очень интересным» [1, с. 252]. В архиве А.А. Фета сохранилась рукопись его стихотворения, написанного им в день отъезда Петра Ильича обратно в Уколово 18 августа 1891 года и посвящённого композитору [2, с. 268].

Вторично Пётр Ильич посетил Уколово спустя два года, с 5 по 15 июля 1883 года. Сохранилось письмо, отправленное композитором из Уколово на следующий день после его приезда сюда и адресованное брату Анатолию Ильичу. «Вчера я приехал в Уколово после довольно

утомительного путешествия, ибо пришлось 80 вёрст ехать на лошадях по жаре, да из Курска, ввиду необходимости долго ждать поезда останавливающегося в Коренной Пустыни, я предпочёл нанять коляску. ... Уколово, как и весь юг России, в это лето очаровательно» [3].

Именно здесь, в Уколово, Чайковский завершил работу над черновыми эскизами Третьего фортепианного концерта, многие материалы которого взяты из его же неоконченной симфонии Es-dur. В Клину, в доме-музее композитора среди других материалов имеется рукопись, на которой рукой Петра Ильича сделана надпись: «Вполне окончен черновик концерта в Уколово 10 июля 1893 года». 15 июля 1893 года Пётр Ильич выехал из Уколово и через несколько дней возвратился в Клин. В письме к брату Анатолию композитор писал 18 июля 1893 года из Клина: О пребывании в Уколово сохранилось самое приятное воспоминание».

Третий концерт для фортепиано с оркестром был инструментован в Клину всего за месяц до кончины композитора, к 3 октября 1893 года. Умер Чайковский 6 ноября.

К сожалению, от усадьбы Николая Ильича не осталось ничего. Сохранился лишь ров, огораживающий в былые времена сад и пруды. Но в воспоминаниях местных жителей живет память о композиторе. На въезде в село стоит Храм св. Георгия Победоносца, на фасаде которого установлена памятная доска о посещении этих мест Петром Ильичем Чайковским.

Библиографический список

1. Орлова, А. П. И. Чайковский о музыке, о жизни, о себе : литературная композиция А. А. Орловой / А. А. Орлова. - Ленинград : Музыка, 1976. – 270 с.
2. Фет, А. Стихотворения. Сост. А. Тархова / А. Фет. – Москва : издательство «Правда», 1983. – 303 с.
3. П. И. Чайковский. Письма. ЛПСС, 17, №4969, с. 127. Дом-музей П.И. Чайковского, г. Клин.

IV. PROBLEMS OF STATE MANAGEMENT OF DEVELOPMENT IN REGIONS

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА: РЕЗУЛЬТАТЫ, РИСКИ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ

М. В. Яхонтова

*Соискатель,
Сочинский государственный
университет,
г. Сочи, Краснодарский Край, Россия*

Summary. Changes in the state and regional policy of tourism development are determined. Risks and threats in the process of implementing state policy are identified. Measures to improve the efficiency and effectiveness of regulation of the development of the tourism sector of the Russian economy and its regions have been formulated.

Keywords: tourism; tourism sector of the economy; tourism industry resources; regional economy; state policy; elimination of risks and threats.

В последние годы внесены существенные изменения в систему государственного и регионального стратегического планирования: отдален во времени горизонт планирования, диверсифицированы формы стратегических планов и прогнозов развития, расширен перечень отраслей – объектов государственного регулирования. Вместе с тем, актуализировались новые риски и угрозы, возникающие в процессе реализации как государственной, так и региональных политик социально-экономического развития, что требует выработки адекватных мер по противодействию им.

Политика поддержки развития туристского сектора экономики на государственном и региональном уровнях сформулирована и определена следующими программными документами:

- Стратегия развития туризма Российской Федерации на период до 2035 г.;
- Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»;
- Государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2013-2020 годы»;
- Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)».

Укрупненные цели Стратегии заключаются, во-первых, в комплексном развитии внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации за счет создания условий для формирования и продвижения качественного туристского продукта, конкурентоспособного на внутреннем и мировом рынках; во-вторых, в усилении социальной роли туризма, увеличении до-

ступности услуг туризма, отдыха и оздоровления для всех жителей Российской Федерации [5].

Целевыми показателями развития туризма до 2035 года являются:

- рост объема туристской индустрии до 16306 млрд. рублей в 2035 году;
- увеличение более чем в 2 раза количества внутренних туристских поездок на одного жителя Российской Федерации к 2035 году;
- увеличение экспорта туристских услуг Российской Федерации до 28,6 млрд. долл. США к 2035 году;
- увеличение инвестиций в сферу туризма в 3 раза к 2035 году.

Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» и входящий в него федеральный проект «Экспорт услуг», предусматривает реализацию комплекса мер по увеличению объема экспорта услуг категории «Путешествия». К 2024 году объем экспорта услуг путешествий должен составить 15,47 млрд. долл. США [3].

Государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы» [1] предусматривает в основном качественные изменения в области туризма. В частности, к 2020 году предполагается создание высоко конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса; повышение качества туристских услуг; интеграция российской туристской индустрии в мировое туристское хозяйство; увеличение туристских прибытий на 200 %. Содействует развитию регионов Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)» [6].

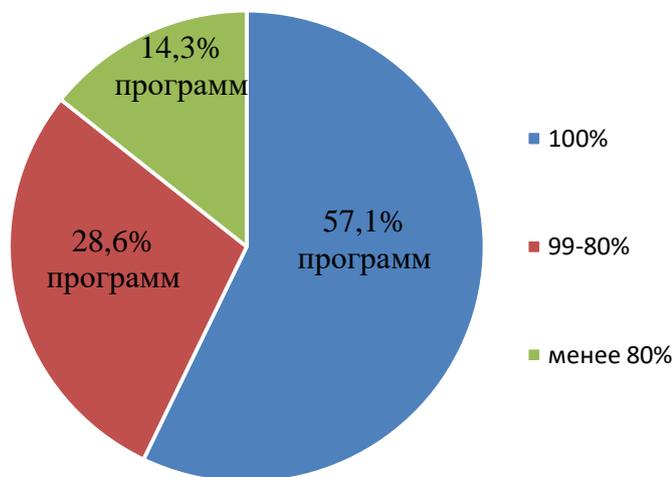
Анализ реализации государственных программ определен методикой, разработанной Минэкономразвития России [2]. Оценка эффективности реализации государственных программ осуществляется в критериях:

- уровня эффективности реализации основных мероприятий государственных программ;
- уровня реализации (кассового исполнения) государственных программ за счет средств федерального бюджета, а также за счет иных источников ресурсного обеспечения;
- уровня выполнения расходных обязательств Российской Федерации, связанных с реализацией государственных программ.

Такой подход позволяет провести только количественную оценку объемов освоения бюджетных ассигнований. В то же время достижение промежуточных и конечных целей мероприятий государственной программы оценить в рамках применяемой методологии невозможно. Сложно также провести оценку вклада мероприятий государственных программ в характер и направления развития туристского сектора российской экономики. Эффективность реализации государственных программ в 2018 году представлена на рисунке (Рис. 1)

Экспертами выделены группы методологических проблем оценки [4]:

- Большое количество оценочных показателей. В настоящее время в государственные программы включено более 2350 показателей (индикаторов), количественно характеризующих ход их реализации. В то же время плановые значения на 2018 год предусмотрены немногим более чем по 1 600 показателям (68,5 % от общего числа показателей).

Рис. 1. Степень выполнения государственных программ в 2018 г.

- Отсутствие фактических значений показателей государственных программ к моменту составления отчетности об их реализации. Так, в рамках годовых отчетов за 2018 год, по 160 показателям (6,8 % от общего числа показателей) фактические данные не приведены.
- Необъективность оценки достижения показателей. По ряду государственных программ фактически достигнутые значения показателей значительно превышают плановый уровень, что указывает на занижение прогнозной оценки значений показателей.

Объемы финансового выполнения государственных программ представлены в таблице (табл. 1). Фактические расходы на реализацию государственных программ по итогам 2018 года составили 10,9 трлн. рублей или 113,5 % к изначально запланированному финансированию. Наибольший уровень кассового исполнения сложился по расходам за счет внебюджетных источников – 162,7 % относительно плановых значений, а минимальный уровень кассового исполнения – по расходам консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (63,5 % от изначально запланированного уровня расходов).

Выполнение государственных программ, 2018 г.

Наименование государственной программы	Источники ресурсного обеспечения	Плановое значение, млрд. руб.	Кассовое исполнение, млрд. руб.	Уровень кассового исполнения, %
По государственным программам, всего	всего, из них	9 610,1	10 904,8	113,5
	федеральный бюджет	6 215,7	6 460,1	103,9
	консолидированные бюджеты субъектов РФ	568,1	360,4	63,5
	государственные внебюджетные фонды РФ	706,7	636,7	90,1
	внебюджетные источники	2 119,5	3 447,4	162,7
Новое качество жизни, в т.ч. программа «Развитие культуры и туризма»	всего, из них	2 890,2	2 449,3	84,7
	федеральный бюджет	1 616,6	1 559,1	96,4
	консолидированные бюджеты субъектов РФ	516,1	238,1	46,1
	государственные внебюджетные фонды РФ	706,1	636,7	90,1
	внебюджетные источники	50,6	15,3	30,3

Низкий уровень кассового исполнения отмечается по государственным программам блока «Новое качество жизни» и в частности по государственной программе «Развитие культуры и туризма». В целом освоение выделенных бюджетных ассигнований составило около 85 %, из бюджетов субъектов РФ – 46 %. Согласно справке по государственной программе Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» степень выполнения контрольных событий плана госпрограммы в 2018 г. составила 78 %.

По данным Федерального казначейства, кассовое исполнение федерального бюджета на реализацию госпрограммы в 2018 г. составило 89 млрд. рублей, или 83,1 % объема расходов сводной бюджетной росписи. По данным Минкультуры России, основным факторам, повлиявшим на ход реализации госпрограммы в 2018 г., является недостаточный уровень завершения и ввода в эксплуатацию объектов капитального строительства. Эффективность деятельности Минкультуры России в качестве ответственного исполнителя госпрограммы оценивается на уровне 25 %.

В рейтинге степени эффективности реализации, государственная программа «Развитие культуры и туризма» занимает 37 место в группе эффективности – ниже среднего (82 %). Сравнительная оценка эффективности реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма» представлена в таблице (Табл. 2)

Таблица 2

Оценка эффективности реализации государственных программ в 2018 году, % [4]

№ п\п	Наименование государственной программы	Оценка показателей государственной программы	Оценка подпрограмм государственной программы	Оценка эффективности реализации основных мероприятий	Оценка кассового исполнения расходов бюджета	Оценка эффективности деятельности ответственного исполнителя	Степень эффективности реализации государственной программы
1	Развитие здравоохранения	98,2	77,3	72,3	94,9	100,0	93,4
2	Социальная поддержка граждан	100,0	93,2	99,8	94,4	100,0	99,0
3	Доступная среда	98,7	96,5	89,4	88,1	100,0	97,1
4	Развитие спорта и физической культуры	100,0	95,9	95,8	89,5	62,5	96,8
5	Развитие культуры и туризма	87,4	72,1	89,4	86,1	25,0	82,9

Определение эффективности государственных программ может быть осуществлено с точки зрения их операционной либо функциональной составляющей. Анализ операционной эффективности государственных программ основан на оценке уровня кассового исполнения, качестве формирования обоснований бюджетных ассигнований, контроле за своевременностью и полнотой.

Анализ функциональной эффективности связан со стратегированием целеполагания, выбора направления развития, оценкой макроэкономического эффекта. Оценка макроэкономического эффекта реализации государственных программ производится путем расчета вклада в ВВП, формирование валового выпуска, валовой добавленной стоимости и структурных характеристик.

Расходы на финансирование государственных программ преимущественно формируют конечное потребление домашних хозяйств и государственных учреждений, инвестиции, способствуют росту спроса на инвестиционные товары и услуги и накоплению в экономике основного капитала. Оценка макроэкономического эффекта от реализации государственной программы «Развитие культуры и туризма» представлена в таблице. (табл. 3)

Таблица 3

Потребительские и инвестиционные компоненты государственных программ, млрд. руб.

Наименование государственных программ Российской Федерации	Финансирование из бюджетов Центрального правительства	В т.ч. расходы на конечное потребление отечественной продукции	В т.ч. валовое накопление основного капитала
Программные расходы Центрального правительства, всего	19 496,9	12 768,8	3 879,6
В т.ч. «Развитие культуры и туризма»	89,1	62,5	21,8

Суммарный вклад финансирования государственной программы «Развитие культуры и туризма» в конечное потребление составляет около 70 % выделенных ассигнований; в накопление основного капитала – 25 %.

Таким образом, система государственной поддержки туристского сектора экономики определена Стратегией развития туризма Российской Федерации на период до 2035 г.; национальным проектом «Международная кооперация и экспорт»; государственной целевой программой «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы» и «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)».

Эффективность и результативность реализации мер стратегического развития туристского сектора экономики, оцененная в критериях уровня реализации (кассового исполнения) и уровня выполнения расходных обязательств РФ, связанных с реализацией государственных программ – недостаточная. В рейтинге степени эффективности реализации, государственная программа «Развитие культуры и туризма» занимает 37 место в группе эффективности – ниже среднего (82 %).

В сложившихся обстоятельствах государственная политика в туристском секторе экономики создала следующие риски и угрозы: рост нерациональных и низко результативных государственных расходов снижает актуальность и целесообразность мер государственной политики; недостижение показателей государственной программы сдерживает развитие туристского сектора российской экономики.

Меры противодействия рискам и угрозам связаны, во-первых, с применением программно-целевого подхода при реализации государственной

политики развития туристского сектора экономики, что позволяет обеспечить комплексность и максимальное достижение поставленных целей. Во-вторых, целесообразно применение процедуры оценивания государственных политик, программ и проектов для повышения качества регуляторных воздействий государства на туристский сектор экономики.

Библиографический список

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 -2020 годы. [Электронный ресурс]. URL: <https://static.government.ru>
2. Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 2 августа 2010 г. N 588. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.garant.ru>.
3. Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт». [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru>
4. Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2018 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru>
5. Стратегия развития туризма Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru>
6. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 гг.)». [Электронный ресурс]. URL: <https://static.government.ru>

V. RELIGION – SCIENCE – SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERACTION

COMMUNICATION PROCESSES IN THE RELATION OF MODERN RELIGIOUS STRUCTURES

V. N. Goncharov

*Doctor of Philosophy, associate professor,
North Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia*

Summary. The multifactorial activities of religious structures take place at the levels of ideological and psychological influence, both on their own adherents and on representatives of national-cultural and religious environment. They are characterized by exceptional complexity, diversity, dynamicity and multivectorness.

Keywords: religion; religious communication; archetypes; social entities; religious consciousness.

In connection with the modern religious environment, on the one hand, there is a tactic of weakening of the confrontation. And, as a result, the involvement in their ranks various of groups that have discovered spiritual and psychological instability [2, p. 142–145]. On the other hand, there is a tactic to discredit the central structures, official and real leaders of various organizations (including by affirming the exclusive possibilities and advantages of their own religious doctrine and cult practice) [7, p. 123–128].

However the specifics of religious communication, according to representations of its adherents and analysts, consists in relation of believers with the supernatural sources and with each other on the basis of religious representations, teachings and beliefs. This complex is a consequence of historically developed religious practice which saved up for the millennia of its expansion exclusive richness of verbal and nonverbal, direct and indirect means and ways of interaction with hundreds of generations of believers. The archetypes which developed during this practice differ in exclusive stability owing to the fact that they symbolically reflected difficulties and contradictions of formation of cultural history, therefore, differentiation of consciousness of people of different eras, generations, age and gender groups [16, p. 241].

The complex of religious archetypes is characterized by generality for those social entities within the framework of which they are developed, perpetuated and communicated [11, p. 396–402].

Adoption of these stereotypes by modern means of communication contributes to their popularization in an environment that tends to accept them for a number of reasons: ethno-cultural, national, ethno-confessional, moral and philosophical, common [8, p. 37–40].

At the same time, suggestive opportunities and global scale of modern communications systems influence make countless confrontations of religious ideas and stereotypes not only in the virtual space of mass media, but also in the souls of those who accept them by persuasion or habitually [4, p. 118–124].

Confrontation of religious fields of communication are due not only to situations of opposition and competition of religious structures and centers, but also to the direct nature of religious experiences common to everyday consciousness, in which a religious component still has rigid attitude [15, p. 82–89].

The issue of the extent to which the communion of believers with the superficial beginning takes place in the reality, and to what extent it remains an individual and collective illusion of the carriers and exponents of religious consciousness, is extremely sensitive [6, p. 18–22]. There is a wide range of positions - from the primitive fanaticism ready for the most extreme means to eliminate representatives of another way of looking, to the philosophical agnosticism and free-thinking allowing a possibility of such communication for respectively adjusted people (as a result of family education, living position, social and professional status) [1, p. 83–86].

Modern means of communications show each of the selected positions in the certain proportions. At the same time the volumes of translation continuously change in the modern society depending on the ratio of tendencies in the revitalization of religion and secularization of the spiritual life of the modern society [12, p. 282–284]. The latter is largely due to the pragmatism of the vast majority of the spheres of a society. However, the chaos created by the unpredictable consequences of the collision of mutually exclusive pragmatic intentions increases the degree of unpredictability of a number of social processes [10, p. 17–20]. And, as a result, promotes growth of feeling of alarm, concern, vulnerability and catastrophism.

The religion has always been, and remains a form of spiritual opposition to chaotic alarmism and concern to achievement of a catharsis, offering to people humbling and humility.

Mass media needs an audience. Catastrophic and apocalyptic stories in the context of the tragedy of human existence are a tested means of implementing this policy. Thus they do not only reproduce, but also multiply the socio-psychological base of the need for religious compensation, acting as a secondary factor in stimulating religious sentiment [9, p. 29–31]; along with their direct reproduction in confessional forms, as well as in images free from direct confessional engagement. At the same time, the latter often contains a powerful figurative-religious, religious-philosophical, moral-religious charge.

Religious communications have its deepest roots, dating back to the history of mankind in all societies that have preserved the traditional ways of organizing daily life [13, p. 73–78]. On this basis, constituting multilevel structures of primary socialization in the clan, family and tribe, processes of communication influences are superimposed, leading their origin from state

ideologies of ancient societies [5, p. 139–144]. Here, religion was an indispensable part of the system of spiritual manipulation and directed cultural influence, including in education and promotion to more or less noticeable status positions.

Clan relations, ethno-related and ethno-confessional relations currently contribute to the restoration of components of traditional cultural complexes (including religious and aesthetic).

Waves of nationalism, especially ethno-confessional, are accompanied in their turn by a revival of archaic views and practices under the guise of national identity and existential authenticity.

As a rule, this process includes (in somewhat modernized and diverse forms in the eclectic combinations) an entire spectrum of religious-ethnic entities that have roots in the primitive society, detailed, systematized, expressively embodied at the historical stage of archaic, and preserved through it, at all stages of modernization and globalization [3, p. 80–85]. Moreover, the latter were never – and could not be – total. The people involved in these transformations were representatives of their time, who, in most cases, retained earlier beliefs and value preferences. However the formation of world empires and globalization processes of our times contribute to the creation of multiple syncretic (and often demonstratively eclectic) combinations of value-religious and value-national structures [14, p. 39–44].

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
6. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.
7. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
8. Камалова О.Н., Джиева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.

9. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
10. Колосова О. Ю. Синергетические аспекты развития современного общества // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 4. - С. 17-20.
11. Колосова О. Ю. Информация в системе управления: социальный аспект // European Social Science Journal. - 2013. - № 12-2 (39). - С. 396-402.
12. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
13. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
14. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
15. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
16. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

WORLD RELIGIONS AT THE MODERN STAGE OF SOCIAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

O. Yu. Kolosova

*Doctor of Philosophy, associate professor,
Stavropol branch
of the Krasnodar university
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Stavropol, Russia*

Summary. In modern religious life, the organizational structure and activities of various collective confessional actors step forward: churches, communities, sects (closed and semi-closed types), movements with a more or less formalized structure. They interact with each other based on the ideological similarity of positions, experience of historical coexistence, which created the ground for various unions (stable or unstable). A number of them developed at previous stages of intercultural processes and interciviliation processes, conditionally designated as Buddhist, ancient, Christian and Muslim globalization.

Keywords: religious structures; cultural and religious policy; interconfessional interaction; philosophical and religious traditions; socio-political stability.

Traditions of international activity of church organizations exist for centuries. The corresponding experience of cultural and political diplomacy was transmitted from generation to generation of clergy, generalized, analyzed and adjusted in the centers of cult activity of world religions [14, p. 39–44].

These structures and relevant experience eases the inclusion in globalized intercultural communication of those groups of church hierarchies who

participate in this activity in accordance with their status, interests of religious structures and their objective position in the different regions [9, p. 123–128].

At the same time, Roman Catholic Church, which currently has bishoprics on all continents of the earth, implements a coordinated cultural and religious policy that takes into account the originality of traditions, sentiments and religious moods of its parishioners, which, as it is known, are extremely diverse [8, p. 18–22].

Russian Orthodox Church has, of course, narrower opportunities to diversify its cultural and religious activities due to the relatively limited number of its followers in most countries of the world (with the exception of Russia, the Ukraine, Belarus) [11, p. 29–31]. Truly speaking, parishes and bishoprics of Russian Orthodox Church exist in a number of other countries of the world. The possibilities of the international cultural and religious activity of Russian Orthodox Church have increased significantly due to the implementation of the agreement on its unification with Russian Orthodox Church abroad [15, p. 82–89]. There are a number of traditional and new opportunities for a dialogue with other Orthodox churches represented in the Holy Land, as well as with religious centers of Catholicism, Armenian Gregorian Church, relevant structures of Islam and Judaism [16, p. 241].

Russian Orthodox Church also carries out systematic canonical and cultural-religious cooperation with the autocephalous Orthodox churches of Europe and the Middle East. Eventually, the participation of the Vatican as an observer in the work of the World Council of Churches and a certain interest of the leadership of Russian Orthodox Church in the ecumenical efforts of this international structure, which united more than three hundred Protestant churches around the world, is also one of the channels for monitoring and possible inclusion into interconfessional interaction [13, p. 73–78].

Thus, Christian organizations came with the certain organizational capabilities of multilevel and multilateral contacts and directions to the problems of globalization, which plunged into crisis in the second half of the twentieth century, [2, p. 142–145].

Although, unlike Catholicism and Russian Orthodox Church Islam for a number of historical reasons does not have a single center of hierarchy, its policy (uniting about fifty countries in Asia and Africa) contributes to the coordination of international efforts of Islamic centers and structures [7, p. 139–144]. There is also funding for religious, educational, construction and other projects by the leadership of Muslim countries in order to strengthen their political presence in the modern international community [3, p. 80–85]. Muslim universities in the Arab world continuing the traditions of Islamic theological education established during the Arab caliphate, have significantly expanded the training of religious-educated specialists in almost all areas of modern humanities and medical knowledge [12, p. 282–284].

The expansion of religious education is also noted in Buddhism [6, p. 27–30]. Recently, this tendency has affected the Buddhist centers of China,

Mongolia, and Russia (Buryatia). Along with the study of philosophical and religious tradition, students in Buddhist educational institutions study pharmacopia and traditional Buddhist medicine.

Integration processes in the modern world, caused by globalization, contribute to the development of world religions, which have various centers and structures of cultural and religious activity, which ensure the adaptation of preaching and worship to differentiated and dynamically changing socio-cultural situations in the different regions [1, p. 83–86].

These religious structures have occupied and continue to occupy positions of ideological confrontation and organizational closure in relation to those confessional entities in respect of which in the past there have been extensive claims of doctrinal and competitive order [4, p. 118–124]. Mostly these claims determine the configuration of modern relation of a wide range of religious organizations [5, p. 43–46].

The last decades are marked by a noticeable turn towards the needs and interests of ordinary believers of centralized Christian churches. Along with this, there is a passionacy of Protestantism, the consolidation of Orthodox Judaism. The extremist activity of network Islamist organizations was particular international problem; whose leaders proclaimed jihad against the West and did not abandon efforts to damage the socio-political stability in several countries of the world [10, p. 37v40].

Bibliography

1. Бакланов И.С. Социокультурное и коммуникативное наполнение понятия рациональности в современной социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2011. - № 5. - С. 83-86.
2. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. - 2013. - № 2. - С. 142-145.
3. Болховской А. Л., Говердовская Е. В., Ивченко А. В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2013. - № 5. - С. 80-85.
4. Говердовская Е. В., Добычина Н. В. Взаимные референции между реальным и виртуальным пространством: новая коммуникационная среда // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 7. - С. 118-124.
5. Гончаров В. Н. Концепция «информационного общества»: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2009. - № 1. - С. 43-46.
7. Гончаров В. Н. Социальная концепция информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. - № 6-2 (12). - С. 27-30.
8. Деркачев Г.И., Бакланов И.С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
9. Ерохин А. М. Религиозное сознание в контексте общественных отношений // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 2 (81). - С. 18-22.

10. Ерохин А. М. Научно-информационный аспект исследования социокультурного развития общества в области культуры и искусства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 2. - С. 123-128.
11. Камалова О.Н., Джиева Д.А. Перспективы развития сенсорных технологий и проблема расширения чувственных возможностей человека // Северо-Восточный научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 37-40.
12. Камалова О. Н. «Созерцание» в философско-культурологических построениях И. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2012. - № 6. - С. 29-31.
13. Лобейко Ю. А. Социальная активность личности в обществе: социально-педагогические аспекты формирования // European Social Science Journal. - 2014. - №7-2 (46). - С. 282-284.
14. Лобейко Ю. А. Социально-психологические проблемы общения в контексте межличностных общественных отношений // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - № 4. - С. 73-78.
15. Матяш Т.П., Несмеянов Е. Е. Православный тип культуры: идея и реальность // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. - № 3 (82). - С. 39-44.
16. Месхи Б.Ч., Несмеянов Е.Е. Теология или лженаука: что на самом деле разрушает отечественное образование // Гуманитарные и социальные науки. - 2014. - № 4. - С. 82-89.
17. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследований современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. -2009. - №9. - С. 241.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2020 ГОДУ**

Дата	Название
3–4 ноября 2020 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2020 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2020 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2020 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2020 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2020 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2020 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2020 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2020 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,881, • РИНЦ – 0,075.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 0,966
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Basic Education, New Bulgarian University
State University named after Shkarim Semey City
Penza State Technological University

SOCIO-ECONOMIC, SOCIOPOLITICAL AND SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF REGIONS

Materials of the VIII international scientific conference
on October 25–26, 2020

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 02.11.2020.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 3.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz